

— Мадам, вы приехали на нынешний фестиваль с особой миссией. Полагаю, что даже нет смысла специально ее формулировать.

— Если вы имеете в виду то, что я привезла с собой “Американскую ночь”...

— Да, именно это я и имею в виду.

— Не стоит, однако, завешать мою роль в этом деле. Я ни в коем случае не собиралась выступать от имени Франсуа. И необходимости в этом нет никакой, Трюффо — это Трюффо. Он снял кино, которое спустя годы не потеряло прелести и новизны. А я могу говорить от своего собственного имени, поскольку и я, и все те, кто снялся у Трюффо, немало вложили в это сил и, простите, таланта. Хотя много говорить не очень хочется. Все время сбиваешься то на банальности, то на что-то эпическое. Собственно говоря, тоже банальное.

— Вы знаете, интересная история происходит с банальностями. И Катрин Денев, и Мишель Легран, словом, все, с кем удалось поговорить, боятся выглядеть банальными. Хотя, простите меня, каждый из вас, учитывая выслугу лет и послужной список, может говорить то, что ему хочется.

— Я вас перебыю. У меня ощущение, что со временем хочется говорить все меньше и меньше. Когда хотелось, никому особенно это не было нужно. Все и так все знали. И про себя, и про жизнь. Молодость — вещь специфическая. А сейчас, может, это и интересно, но желание пропало. Пресс-конференции стали обузой и для тех, кто спрашивает, и для тех, кто отвечает. Но вежливость обязывает. Вот Де Ниро молодец...

— Пришел на пресс-конференцию, сказал, что рад всех видеть, счастлив пообщаться с друзьями и ушел.

— Ну, на самом деле он главное и сказал.

— Я возвращаюсь к банальностям. Не так в сущности ведь они и плохи. В них — рациональное зерно и свет истины. Простите за очередной стереотип. Причем вечной истины. Наверное, поэтому они так затрепаны.

— Да, но, когда в десятый раз повторяешь: счастлива всех вас видеть в добром здравии, хочется удивиться, в то время, как изначально так оно, наверное, и было.

— И все же вернемся к разговору о вашей миссии.

— Ее чуть-чуть преувеличили. Меня даже называли “алтер эго” Франсуа Трюффо. Человеком, говорящим от его лица. Какой я алтер эго? Я ведь не Жан — Пьер Лео.

Жаклин БИССЕ:

“Мы запутаемся в банальностях”

— Кстати, он говорит много, хорошо и очень интересно.

— В этом проявляется разница между мужской и женщиной.

— Вы хотите сказать, что мужчины болтливей?

— Нет, но искреннее. Они любят выговариваться. А у Лео много чего накопилось. Он — ненаписанная книга.

— А у вас?

— А я никогда не буду писать мемуаров.

— Почему?

— Во-первых, я начисто лишена литературного дара. Во-вторых, я абсолютно уверена, что воспоминания пишут не ради того, чтобы придать гласности интимные приобретения души, а для того, чтобы о тебе не забывали. Это достойный способ, опять же банальный, но мне он просто не нужен. Во всяком случае

пока. У меня много других забот.

— Вы много снимаетесь?

— Теперь уже нет, но в жизни, как выясняется, после тридцати много разных иных дел.

— Я видела вас на экране в одном из новых фильмов Клода Шаброля “Церемония”. Очень хорошее кино, и вы в нем замечательно сыграли.

— Да. Хорошее кино, и роль была очень интересная. Правда, всех нас поубивали в конце.

— Как-то вы просто об этом говорите.

— Вы знаете, я не верю актрисам, которые каждую свою роль рассматривают как первое откровение жизни. Я так много всего переиграла, что научилась спокойно переживать всякие сюжетные потрясения. Для меня кино — это игра. Не более. Есть жизнь, и есть игра. Эта игра может даваться даже большей кровью, чем сама жизнь, но это — дело другое.

Так что финал шабрелевской драмы ужасен. Однако я не воспринимаю его как реальность. И нет в этом признании ничего страшного. Другое дело, что, пока меня не убили, я всласть наигралась с тем образом, который был мне дан сценарием. Я, наконец-то, изобразила обеспеченную современницу, довольную домом, семьей, светскую и очаровательную.

— Неужели вам этого не хватает в жизни?

— В жизни всегда многого не хватает. Поэтому кто бы что ни говорил, каждый актер, перевоплощаясь, согласно идее режиссера, всегда пытается остаться самим собой, но сделаться при этом более удачливым, более счастливым, более богатым.

— А в “Американской ночи”?

— А вот здесь я была сама собой. Даже не знаю, как это вышло. Сама собой, словно в детстве. Ни до, ни после “Американской ночи” я не чувствовала подобного. Франсуа устроил нам настоящий праздник. Видите, мы запутаемся в банальностях.

— Каким он был на съемочной площадке?

— Очень жестким. А в жизни, по-моему, очень мягким.

— Он ставил игру превыше реальности?

— Не знаю, не буду сочинять. Я уже говорила, что у меня нет ни малейшего желания выступать от его имени. И ни малейшего права.

— А сам Трюффо был искренним человеком?

— По — моему, да.

— Итак, представляя на фестивале одно из его лучших детищ, вы выступаете от своего имени.

— Только от своего. От имени свидетеля. Счастливого. Но тем не менее хочется назвать детище совместным. Я не знаю, что еще ко всему этому добавить. Можно все расписать яркими красками. Но я боюсь обесценить словами то, что спрятано в глубине души. В шкатулке. Может быть, захочу потом, когда-нибудь. Когда свидетелей станет еще меньше. Ведь поколение уходит. И, чем меньше свидетелей остается, тем значительнее кажутся вещественные доказательства твоей причастности к минувшей эпохе. Хорошей эпохе. Очень наивной и сентиментальной. И совершенно ребяческой. Они кажутся бриллиантами в той самой шкатулке. Их только не надо извлекать на свет Божий раньше времени.